

Е.Г. Басалаева

Новосибирский государственный педагогический университет

**О некоторых особенностях становления
одоративной метафорической микросистемы
русского языка**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития одоративной метафорической микросистемы русского языка. С опорой на анализ данных различных лексикографических источников, а также памятников литературы XI–XVI вв. прослеживается динамика семантической деривации лексем, входящих в семантическое поле «Запах», выявляются характерные для разных периодов доминантные метафорические модели.

The article is focused on the characteristics of development of odorative metaphorical microsystem in Russian. Basing on the analysis of lexocographic resources and XI–XVI centuries literature texts the author explores the dynamics of semantic changes for the lexems of the semantic field «Smell». The leading metaphorical models for the different time periods are revealed in the article.

Ключевые слова: семантическая деривация, метафора, диахрония, одоративная лексика.

Semantic changes, metaphor, diachrony, odorative lexics.

УДК: 811.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, ИФМИП, кафедра теории языка и межкультурной коммуникации. Тел. (383) 2440126. E-mail: lena.bas@mail.ru.

Проблема восприятия – одна из важных проблем в исследовании человека. Способность человека воспринимать реальный мир относится к числу его фундаментальных способностей наряду с *чувствовать, воображать, думать, понимать*. Результаты процесса восприятия (чувственные ощущения, представления и перцептивные образы) связаны между собой, эта связь основана на приобретенном опыте. Результаты перцепции заключают в себе информацию об онтологии мира, отображенную с помощью когнитивных механизмов сознания.

Исследование перцептивной семантики номинативных единиц носит междисциплинарный – психологический и лингвистический – характер. При этом важным остается вопрос о том, каковы особенности окружающего мира и как они вербализуются в языке. Перцептивная лексика является результатом непосредственного взаимодействия человека с миром, следовательно, несет в себе информацию об этом мире, о возможностях человека оперировать ею в своей практической деятельности.

Из всего спектра номинаций эмоционально-сенсорного восприятия наименьшее внимание современных лингвистов уделяется обонянию. В работах последних лет (Е.В. Гейко, О.Н. Григорьевой, А.В. Житкова, Г.И. Кабаковой, А.А. Колупаевой, Л.В. Лаенко, Н.А. Николиной, Н.С. Павловой, И.Г. Рузина, В.П. Сидельникова, Т.А. Трипольской, С. Хуэйцзе и др.) исследуются лексические единицы со значением «запах» (так называемая одоративная, или ольфак-

торная лексика) в разных языках; прослеживается связь запаха с культурой; предлагаются классификации слов, определяющих запах. Однако вопрос об особенностях становления семантического поля «Запах», путях формирования значений его компонентов в истории русского языка остается открытым.

Как отмечают К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синотт, в отличие от других явлений, например, цветов, запахи часто не имеют своих названий, поэтому, объясняя запах, мы вынуждены его с чем-то сравнивать, «нащупывать точную метафору для нашего обонятельного переживания» [Классен и др., 2003, с. 45]. Кроме того, из всех ощущений ни одни не связаны так широко с эмоциональным чувственным тоном, как обонятельные: почти всякое обонятельное ощущение обладает более или менее ярко выраженным характером приятного или неприятного; многие вызывают очень резкую положительную или отрицательную эмоциональную реакцию [Рубенштейн, 2000]. Поэтому можно утверждать, что формирование обонятельных значений базируется на определенных когнитивных механизмах, лежащих в основе языковых явлений, к которым относятся метафорические и метонимические переносы, сравнение, взаимодействие метафоры и метонимии.

Семантическое поле (далее СП) единиц с семой 'запах' можно рассматривать как фрагмент когнитивной модели языка. В русском языке имеется лишь небольшое количество системно закрепленных единиц обонятельной лексики, относящихся к разным частям речи: существительные (*аромат, благовоние, благоухание, вонь, вонища, дух, зловоние, обоняние* и др.), глаголы (*благоухать, вонять, пахнуть, смердеть* и др.), а также их производные прилагательные (*ароматный, благоуханный, благовонный, вонючий, душистый, зловонный, смрадный* и др.), наречия (*ароматно, душисто, духовито, пахуче, смрадно, зловонно*) [Колупаева, 2009, с. 17–18].

Ассоциации, вызываемые определенными запахами, доказывают, что чувственное восприятие включается в практическую, интеллектуальную и эмоциональную деятельность человека. Поэтому лексика с одоративной семантикой активно включается в процессы переосмысления ЛЗ.

По наблюдениям исследователей, область обонятельных представлений прежде всего связана с оценкой ощущений: приятные запахи (*аромат*) и неприятные (*вонь, смрад*). В современной метафорической картине, репрезентируемой входящими в одоративное поле лексемами, отражены определенные модели переноса наименования, которые можно свести к следующим: 1) представление о запахе связано прежде всего с передвижением в пространстве или с неподвижностью (*запахи идут, ползут*); 2) запах как бы обретает вес (*тяжелые и легкие запахи*) и свое место в пространственной вертикали: тяжелые (часто неприятные) запахи тяготеют к земле, *они ползут, стелются, давят* и др.; приятные запахи располагаются в воздушной среде, являются *легкими, летучими, летят*; 3) запах уподобляется воде (*плывет, разливается по воздуху*); 4) запах предстает в образе живого существа, которое воздействует на человека (*ошеломляет, оглушает, убивает*).

Кроме того, запах наделяется устойчивыми образными характеристиками, такими, как «имеющий определенную структуру» (*чистый запах, алфавит запахов*), «обладающий температурными (*теплый запах*), вкусовыми (горький запах), цветовыми (светлый запах) признаками» [Трипольская, 2005].

Таким образом, метафорические номинации, ведущими образными характеристиками которых являются чувственно-наглядные и субъективно-оценочные, являются преобладающим типом номинаций в СП «Запах» [Там же, с. 42].

Обращение к указанным метафорическим моделям с точки зрения диахронии дает возможность реконструировать этапы становления специфических черт обонятельной наивной картины мира, иерархию признаков, связанных с ментальными областями разных модусов восприятия.

Рассмотрим подробнее особенности развития одоративной метафорической микросистемы русского языка, опираясь на данные лексикографических и литературных источников, начиная с XI века.

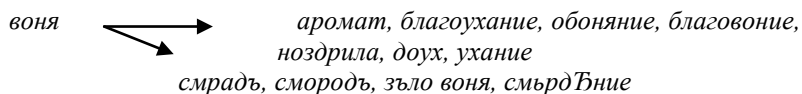
Как пишет В.П. Сидельников, СП «Запах» восходит к периоду раздельного существования языковых общностей индоевропейской семьи. Исходный этимон, от которого развилось родовое значение, заключал в себе понятие «воздух, движение воздуха, дыхание» (ср.: и/е * *an* «дыхание, воздух», отсюда *вонять* – *вонь*, *ухать* – *ухание*). Лексемы-носители видовых значений «приятный – неприятный запах» восходят к греч. *aroma* «пахучие травы, коренья», лат. *merd* «нечистоты», гот. *smarna* «грязь, кал». Конкретное значение лексем *аромат* – *смад* (приятный / неприятный запах) ограничивало возможности изменения их ЛЗ в пределах поля. В то же время лексемы с исходным значением «запах» претерпевают изменения ЛЗ в сторону его сужения, конкретизации [Сидельников, 1983, с. 11–12].

Как показывает анализ словарей [Срезневский, 1890–1912; Словарь русского языка XI–XVII вв., 1975–2006], исследуемая микросистема в XI – XVII веках была неоднородной по своему происхождению, сферам употребления, стилистической окраске. Так, в ее составе выделялись лексемы общеславянские (*воня*, *духъ*, *смородъ*), ареально-славянские (*пахъ*, *запахъ*), заимствованные (греч. *аромать*, ст.-слав. *смадъ*, *благовоние*, *благоухание*, *зловоние*).

В древнерусском языке СП «запах» возглавлялась архисемой *воня*, носительницей общеродового понятия «запах вообще». В сочетании с прилагательным со значением оценки эта лексема передавала и видовые понятия «приятный – неприятный запах» (ср.: *воня пречудная*, *добрыя воня*, *благыя воня* / *зъло воня*). Анализ приводимых в словарях контекстах показывает, что гораздо частотнее представление о *воне* именно как о приятном запахе, при этом нередко связанном с божественным началом (*воня Святого Духа*), тем самым можно предположить следующую область первоначальной метонимизации: запах как заместитель Бога. На первый план выходит сема ощущения.

Сразу выстраиваются антонимические отношения *воня* – *смадъ* и синонимические связи *воня* – *аромат* – *благоухание*, что также фиксируется в словаре и дает возможность предполагать начавшуюся спецификацию значения *воня* в сторону положительной оценки запаха (Ср.: *осквернивсяи смрадомъ воня* – *воня подобна аромать многоцѣнныхъ*). Хотя глагольные дериваты свидетельствуют об обратном процессе (ср.: *воняти* 1) пахнуть, 2) дурно пахнуть). Таким образом, оценочная амбивалентность дает возможность двоякого лексико-семантического развития, которое окончательно оформится в начале XVIII века (ср. *воня* / *вонь*).

В целом система субстантивов-номинаторов запаха можно выстроить следующим образом:

Что касается глаголов, то их количество в словаре древнерусского языка ограничено: *обоняти*, *обухати*, *смердеть*.

Как отмечают исследователи, для номинирования процесса чаще использовались перцептивные глаголы с общей семантикой (*чуяти* и др.).

Среди выявленных единиц с семой «запах» отсутствуют лексемы с корнем «пах» (собственно *запах*, *пахнуть* и под.). Они находят достаточно позднюю фиксацию в словарях, хотя можно говорить об их появлении в общеславянский период, т.е. до конца XIV века. В.П. Сидельников связывает это с функционированием данных единиц в народно-разговорной речи древнерусского языка, поэтому не отраженной в словарях.

Таким образом, одоративная лексическая система в том виде, в котором она существует в современном русском языке, сформировалась в конце XVII века.

Что касается семантического развития лексем, относящихся к одоративной сфере, то можно говорить о следующих особенностях: с одной стороны, это привлечение в систему номинаторов запаха метафорически переосмысленных единиц, с другой стороны, сами единицы поля «Запах» становятся образными номинациями иных фактов окружающей действительности.

По данным лексикографических источников, а также памятников древнерусской литературы более древними являются различные переосмысления единиц-номинаторов запаха.

Как показывают первые письменные памятники [Библиотека литературы Древней Руси, 1997–2003], ранняя метафоро-метонимическая картина достаточно бедна. Мы можем наблюдать достаточно ограниченное число переносных ЛЗ, фиксируемых словарем и реализуемых в текстах. Такими полисемантами оказываются:

воня ‘запах’ → ‘Божественный аромат, благоуханная / благовонная мазь’;

ухание ‘обоняние’ → ‘Божественный аромат, ощущение’;

обоняние ‘одно из пяти чувств – способность чувствовать запах’ → проявление чего-либо (*обоняние разума*);

дух ‘ветер’ → ‘испарение, запах’ (*исходит же духъ знойныи смердящъ изъ моря того*);

смердъ, смердение, смердеть ‘вонь, дурной запах, дурно пахнуть’ → ‘мерзость, мерзостный, быть мерзким’ (*смердящихъ страсти(и) отъгониши*);

Таким образом, можно говорить о следующих ключевых моделях восприятия, фиксируемых словарями на раннем этапе развития письменности.

Наиболее распространенной является модель переноса, связанная с достаточно устойчивыми ассоциациями запаха с Божественным или дьявольским началом. Очень часто лексемы *воня, аромат, благоухание* становятся заместителями не собственно физически ощущаемого запаха, а как бы «земными представителями», «репрезентантами», проявлением Святого Духа. Соответственно параллель с дьявольским, несправедливым имеет слово *смердъ*. Например: *Припахну воня Святааго Духа* (Слово о законе и благодати Митрополита Иллариона); *Смерд бо на благовоение преложися* (о прощении грешников) (Киево-Печерский патерик). Выстраивается своеобразная оппозиция: *воня* – праведное / *смерд* – греховное. Оценочная шкала при этом всегда поддерживается синтагматически, например, *воня добрыя* – *смердъ злый* и проецируется на человека-носителя запаха. Так, от могилы плохого, несправедливого человека всегда исходит смерд, от верующего, как и от самой церкви *исхожааше благоухание*.

Сложившаяся аксиологическая антиномия в одоративной микросистеме, на наш взгляд, постепенно стала «мерой» оценивания разных видов деятельности человека.

Так, в текстах XI–XII вв. встречается оценка через запах:

– речевой деятельности: ... *достойнъ есть царства небеснаго, яко миро бо добровоня молитва его есть* (Житие Алексия человека Божия); *Есть бо си повѣсть якоже медвену нѣкаку воню каплющи, мазь сладку и велии дивну* (Житие Андрея Юродивого).

– мирских дел человека, осуждаемых церковью: *Ходя же, и первое творяше дьяволе дѣло, потом же осквернився, смердомъ воняя, хожааше въ церковь* (Житие Андрея Юродивого);

– воцерковления: *«Повиждь нам, Фома, после великаго самодержавнаго, откуда се припахну благоухание на великаго князя Бориса, и откуда сий испи памяти жизнь сладкую чашу* (Инок Фомы слово похвальное).

Физически проявляющийся запах (запах от трупа, запах изо рта и проч.) также нередко объясняются образно в сложившейся оценочной системе, т.е. причи-

ной запаха могут стать духовные (не физиологические) процессы: *Нѣкому поносящую ему, яко воняетъ ему душа, и отвѣща: «Многы бо тайны изъгнали суть въ моемъ горлѣ»* (Пчела).

Параллельно с этим усиливается противопоставление земного (= греховного, невечного, смертного, телесного) небесному (праведному, духовному). Так, в текстах XIV–XV веков встречается образное употребление слова *смадъ* по отношению к «телу, плоти» как заведомо греховному. Ср.: *како мя* (т.е. душу) *затворилъ есть в тебѣ смаднѣй* (т.е. плоти), *И бес тебе ничтоже есмь, но зловонный смад* (о плоти) (из «Диоптры» Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти), а также всему земному: *А егда пребываху в мирѣ сѣмь, не поразумѣша злосмадиа его, но тщахуся въ украшение и покой тѣлесный* (Четыре послания и заветание Нила Сорского).

Данная модель переноса, на наш взгляд, семантически развивается, и запах в текстах XV–XVI века становится достаточно устойчивым оценочным указателем чего-либо на шкале «положительное – отрицательное». Т.е. происходит постепенное расширение, и *воня* / *смад* начинают ассоциироваться с приятным / мерзким, неприятным впечатлением, ощущением от чего-либо. Ср.: *Ты свѣтилникъ горящъ, иже тмы омрачения не вѣсть; ты благовонный цвѣтъ добродѣтели, иже смада оклеветателнаго глушается* (Сочинения Федора Ивановича Карпова);

Особая семантическая деривация наблюдается у словообразовательных дериватов слова *ухать* (например, *благоухатися*), *смад* (например, *посмадитъ, просрамжати, смадно*). Данные лексемы развивают несколько переносных ЛЗ на основе семантического признака «ощущение, впечатление от хорошего / плохого запаха»:

- получить приятное ощущение от *обоняти* чего-либо: *облагоухатися*;
- испортить, уничтожить что-либо: *Пастуси просмадишиа* (т.е. испортили. – Е.Б.) *виноград мой* (Слова и поучения Кирилла Туровского);
- опорочить, осквернить духовно и физически: *Аще бо кто жену мужату посмадитъ, мученью вѣчному повиненъ будетъ* (Из Скитского патерика.);
- воспринять что-либо плохое под влиянием кого / чего-либо: *Якоже бе вѣтръ смад вземлет и носит повсуду и просмражает всѣх, тако иже с лукавыми челоуѣкы бесѣдовати, просмражается от него* (Стефанит и Ихнилат);
- испытывать стыд: *Аще ли увѣси и нам повѣдаеши, свободишиися не токмо в нынешнем вѣце злаго его дыхання и сипѣния и всего скарядия, еже смадно есть глаголати, но и в будущий вѣкъ нелицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши* (Сочинения Ермолая-Еразма).

Таким образом, одоративная лексика формирует эмотивно-оценочные переносные смыслы.

Особо следует сказать о формирующейся на ранних этапах синкретичности восприятия. Так, одоративная лексика становится номинатором иных перцептивных процессов, таких, как вкусовых, аудиальных (пробовать на вкус: *обоняти вино*).

В «Словаре русского языка XI–XVII веков» фиксируется дальнейшее семантическое развитие ключевых лексем поля «Запах». Особенно ярко она проявляется в XVI–XVII вв. Так в словаре отражаются следующие модели переноса, имеющие преимущественно ассоциативную основу:

- одоративная сфера → эмоциональная сфера: *вонючий* → лишенный радостных чувств, отталкивающий своей злобой, ненавистью к окружающим (*вонючая душа*);
- одоративная сфера → сфера восприятия: *пахнуть* → быть похожим на что-либо (*пахнет баснею*);
- одоративная сфера → физическая сфера: *выдохнуться* → просохнуть.

- одоративная сфера → физиологическая сфера: *провонять* → протухнуть, испортиться (*рыба провоняла*); *нюхать* → лечиться. Данная метафорическая семантика основана на развитии такого признака, как проявление, характер процесса «нюхать» и эксплицирует сему цели, направленности этого действия.

В «Словаре Академии Российской» и «Словаре русского языка XVIII века» отражаются новые сферы переноса наименования:

- одоративная сфера → ментальная сфера: *вынюхать* → разузнать (простореч.). Именно эта метафорическая модель в XVIII–XIX веках распространится практически на другие глагольные приставочные дериваты от *нюхать*, что отражается в словаре Даля и более поздних словарях (ср. *пронюхать*).

- одоративная сфера → сфера межличностных отношений: *снюхаться* (о человеке/ о животных);

- пахнуть чем-либо → быть свойственным чему-либо (*пахнет мещанством*).

Как показывают эти и другие примеры, в истории становления одоративного метафорического пространства можно наблюдать следующую динамику. Ключевая метафора раннего периода «запах как Божественное проявление» утрачивает свою актуальность к XVIII веку. Например, слово *воня* в «Словаре русского языка XVIII века» зафиксировано в значении ‘запах’, ЛЗ же ‘божественный аромат’ отсутствует. Более устойчивыми оказываются оценочные смыслы, сформировавшиеся в рамках данной метафорической модели: запах служит в качестве эмотивно-оценочного конкретизатора какого-либо ментального, перцептивного, физиологического, социального и пр. процесса (ср. *тѣло благоухает, да душа зломрадную воню издает*). Кроме того, многие одоративные лексемы утрачивают первоначальное значение и сохраняются только в качестве вторичных номинаций (*снюхаться*, *вынюхать* и др.).

Что касается образного представления о проявлении запаха, то оно тоже динамически развивается.

На ранних этапах по материалам словаря И.И. Срезневского и текстов древнерусских памятников восприятие запаха, его распространение было достаточно однообразным: запах наполняет пространство, запах идет (*и благоухание исходжаще отъ църкве* (Житие Феодосия Печерского)). Иными словами, кинетическая модель восприятия запаха, прежде всего связанного воздушной стихией, является одной из самых древних. Продуктивная модель метафоризации «водная стихия – запах» ранними словарями не фиксируется. Также встречаются отдельные примеры демонстрирующие синкретизм перцептивных восприятий. В первую очередь наблюдается смежное представление о звуке и запахе (*слышать запах*). Что касается образных признаков запаха, то ключевой оппозицией оказывается легкий / тяжелый запах.

Лишь словари XVII века дают нам возможность наблюдать расширение обонятельных представлений.

Так, **проявление запаха** начинает соотноситься не только с движением человека (*запах исходит, бродит*), как это было ранее, но и движением подобно воде (*лечь, растворять, изливать запах, запах орошает*), воздуху (*запах витает, навеивает, полетит, воспирается*), иному сыпучему или текучему веществу (*запах наполняет*). Кроме того, продуцирование запаха представляется как некое деструктивное действие (*бросить, выпустить, выбросить*), болезнь (*заразить, очаровать*). Частотными становятся примеры отождествления звукового, светового и обонятельного ряда (*запах неутешимый, отзывается, шепчет, сзывает, возвестил; блещет*), а также синкретичности с другими способами перцепции (*запах питает, насдобиться запахом, слышать, заглушить запах*).

Метафорически представляется и процесс **уничтожения запаха**: подобно звуку (*заглушить запах*), воде (выпаривать запах), конкретному физическому

объекту (*выводить, истребить, потерять запах*), живому существу (*задушить запах*). Как видим, образные составляющие здесь повторяются, что свидетельствует о достаточно устоявшихся представлениях о запахе.

В «Словаре русского языка XVIII века» находят отражение и **качественные характеристики** запаха: с точки зрения интенсивности проявления (*сильный / слабый*), оценки (*дурной / добрый, злой, отвратительный, пагубный, головоломный, драгоценный, изящный*), смежности с другими формами восприятия, в первую очередь вкусом (*кислый / сладкий / гнилой*), источника запаха (*гарь, пригарь, угарь*) и др.

Таким образом, анализ особенностей формирования метафорической микро-системы СП «запах» позволяет сделать следующие выводы. Процесс «заполнения» данного семантического пространства можно охарактеризовать как прерывистый: в определенный период развития лексической системы наблюдается относительно стабильная группа метафорических переносных наименований, которая либо замещается, либо обогащается в последующие временные промежутки. Так, доминантная и достаточно устойчивая для раннего периода развития русского языка метафорическая модель, связывающая запах с божественным или дьявольским / греховным началом, сменяется более обобщенной шкалой оценивания («положительное/отрицательное») разных видов деятельности человека. Расширение сфер метафоризации лексики с общей семой 'запах' происходит особенно интенсивно, начиная с XVI века. В этот же период словарями фиксируется интенсивное вовлечение в систему образных номинаций запаха единиц разных семантически зон (водной, воздушной, вещественной и др.). Это свидетельствует о том, что формирование метафорического пространства в системе ольфакторных представлений является достаточно поздним.

Литература

Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева и др. В 12 т. – СПб., 1997–2003. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4863>.

Классен К., Хоувз Д., Синотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. М., 2003. Кн. 1. С. 41–50.

Колупаева А.А. Концепт *запах* и способы его репрезентации в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.

Павлова Н.С. Лексика с семой 'запах' в языке, речи и тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/rubin01/txt12.htm#2>.

Сидельников В.П. Лексика со значением «запах» в русском языке (к проблеме языковых сущностей лексических микросистем): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1983.

Трипольская Т.А. Интерпретационный потенциал концепта «запах» // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2005. С. 35–43.

Словари

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1890–1912.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2006. Вып. 1–27.

Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю.С. Сорокина. Л., 1984–1991. Вып. 1–6; СПб., 1992–... Вып. 7–... [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/default.asp>.

Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. М., 2006. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.philippovich.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm>.